

ніка і пра цмока, што вылучыўся з яйка, знесенага пеўнем» і «Вужовая карона», дзе галоўныя героі панскі лёкай Карп і паляўнічы Сямён свядома ідуць на дамовы са злымі духамі, каб зарабляць лёгкі хлеб. Але як правіла гэтыя дамовы заканчваюцца вельмі трагічна. Фантастычны свет беларускіх народных паданняў і легендаў, якім Я. Баршчэўскі насычае свае апавяданні, блізкі да сцэнаў з «Фаўста» «Кухня ведзьмы» і «Ноч Вальпургіі».

Своеасабліваю дамову з нячыстаю сілаю заключае герайна зборніку апавяданняў «Драўляны Дзядок і кабета Інсекта», калі сквалная і зайздрослівая жанчына ператвараецца ў маленькую крылатую істоту, кабету Інсекту, якая трымае ў стаху жыхароў былога дома. Падобныя метамарфорзы перажывае галоўны герой апавядання «Горды Філасаф», які, на думку Драўлянага Дзядка, прачытаўшы шмат філасофскіх твораў, дурнем і памрэ. Гэта нагадвае сцэну з «Фаўста» «Кабінет», толькі там герой — поўная супрацьлегласць Філасафу.

У аповесці «Душа не ў сваім целе» Я. Баршчэўскім падымаюцца пытанні, блізкія да разважанняў Ё. В. Гётэ ў «Фаўсце»: думкі пра тое, якім павінна быць мастацтва, уваскрашэнне мінулага і запазычанне гэтага досведу сучаснікамі (шлях Фаўста да Алены Прыгожай, праца пана Рыльца), імкненне стварыць для людзей рай на зямлі (але гэта ўтопія не ўдаецца ні Фаўсту, ні лекару Саматніцкаму, душа якога жыве не ў сваім целе; такія Фаўст і Саматніцкі гінуць, але ім удалося знайсці ісціну, хоць яны і не спасціглі яе ў поўнай меры).

Я. Баршчэўскі, разважаючы ў сваіх творах пра праблемы нацыянальнага характару, змог запазычыць лепшы досвед сусветнай класікі, каб стаць зразумелым і сваім суайчыннікам, якім у першую чаргу былі адрасаваныя яго творы, і сусветнай культуры.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Ж. БОДРИЙРОМ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНА

Усовская Э. А., Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Концепцыя Ж. Бодрийяра прадставіае сабой варыант постсавременнай крытыкі постмодерна. Асновной тэмой работ для французскага філосафа-культуролага стало переживание неподлинности мира, его «зараженности» вторичными идеологическими смыслами, симулякрами. Бартовский миф как единица ложного смысла осмысливается как симулякр, которому Бодрийяр надае онтологический статус. Вниманиа исследователя сосредоточено на социокультурных реальностях, приобретающих неподлинный и двусмысленный характер. Знаково-семиотическая транскрипция культуры постмодерна дополняется Бодрийяром социокультурной символикай, проблемной конструирования идеологием и гиперреального пространства.

Понятие симулякра имеет достаточно длительную историю: в европейской философии оно существовало с эпохи Античности и было атрибутировано Платоном, согласно которому идеальному эталону (эйдосу) соот-

ветствуют так называемые верные или неверные подражания. Верные подражания-копии характеризуются своим сходством с оригиналом-эйдосом, а неверные, симулякры, представляют собой копии копий. Однако как верные, так и неверные подражания позитивно или негативно соотносены с трансцендентальным образцом.

XX в. принес новое понимание симулякра; в постмодернистской традиции он репрезентирован в первую очередь Ж. Батаем, затем П. Клоссовски, В. Кожевым, Ж. Делёзом.

Концепция Ж. Бодрийера отличается радикальностью, поскольку, по его мнению, именно «радикализация гипотез является единственно возможным методом». Постсовременная культура есть не просто система знаков, опосредующих процесс коммуникации, но виртуальное пространство, вытесняющее подлинную реальность, которая подменяется симуляционной гиперреальностью. Между означаемым и означающим происходит коренной разрыв, разлом, который продуцирует искажение реальности, дает возможность отсрочивать и вытеснять подлинное. Подобное конструирование реальности (гиперреальности) стало возможным благодаря целому ряду причин; одной из ключевых является расцвет масс-медиа, которые нейтрализовали реальность. Согласно Бодрийеру, средства массовой информации сначала отражают реальность, затем маскируют и извращают ее, потом маскируют отсутствие реальности и, наконец, производят симулякр реального. Рождение симулякра означает разрушение всех связей с реальностью, смерть дискурса. Обмен между знаками и реальностью прекращается, знаки соотносятся лишь друг с другом: «Больше нельзя говорить ни об имитации, ни об удвоении, ни даже о пародии, дело идет к замене реального знаками реального».

Феномен возникновения гиперреальности и функционирования симулякров история знала не всегда. До эпохи Ренессанса можно говорить о подлинной связи между знаком и реальностью: знаки не дублировали ее, а выполняли иную функцию, функцию символического обмена. Освобождение знака, произошедшее в рамках Возрождения и до промышленной революции, символизирует порождение поливариантных коннотаций, не утрачивающих соотношение и связь с реальностью, но вскрывающих ее многогранность. Знаки-копии барокко сложны, представляют собой игру смыслов, масок, зеркал, в то время как знаки-«подделки», продуцируемые промышленной революцией, грубы, скучны, однообразны, функциональны и эффективны. Знаки-копии так называемой технической эры характеризуются серийностью: истинный смысл их существования заключается в самом акте воспроизводимости (знаки начинают опираться уже не на «природную реальность», а только на закон обмена и поступают в распоряжение рыночного закона стоимости). Серийное производство копий приводит к появлению собственно симулякров, отличительным свойством которых является моделирование, конструирование реальности; теперь знак, не имеющий связи с реальностью, ее создает: «Как только мертвый труд берет верх над живым, то есть с завершением первоначального накопления, серийное производство уступает первенство порождающим моделям.

<...> Все формы меняются с того момента, когда их уже не механически воспроизводят, а изначально задумывают исходя из их воспроизводимости. <...> В конечном счете, основу всего составляет не серийная воспроизводимость, а модуляция — не рыночный, а структурный закон ценности».

Производимая реальность соответствует симулякру, модели; точность соответствия симулякру чрезвычайно важна и функционирует на уровне «вопрос—ответ»: действие по образцу, по заданной модели-симулякру фактически исключает принцип саморазвития в соответствии с внутренней целью. Связь культуры с «биологической» матрицей бесконечно отстранена, вследствие чего пространство предстает не линейным, а клеточным: оно бесконечно воспроизводит одни и те же сигналы. Итогом развития социокультурного пространства является победа симулякра над историей.

Итак, новизна концепции Бодрийера в понимании постсовременной культуры (культуры постмодерна) состоит в критике ее массовидных проявлений, которые образуют симуляцию природы, истории, секса и, наконец, реальности. Масса теряет собственную референциальность; не имея адресата, она отсылает сама к себе. Однако онтологически не представляющая собой социальную реальность, не связанная с ней, масса существует только в коннотации массового потребления знаков-симулякров. Величайшей порождающей моделью реальности становятся средства массовой коммуникации, прежде всего телевидение и кино. Ситуация, спроецированная кино, превращается в реалию (фильм «Китайский синдром» и затем катастрофа на о. Харрисбург). Очевидно, что бодрийеровский критицизм является своеобразным призывом к радикальному пересмотру парадигмы общества потребления, постсовременности.

«ROE V. WADE»: РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА США И ПОЛЯРИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Чикалова И. Р., Белорусский государственный университет

Завоевание репродуктивных прав для второй волны женского движения в Соединенных Штатах имеет такое же значение, как получение политических прав для участниц его первой волны. Процедуры по прерыванию беременности, начиная с середины XIX в. поставленные вне закона большинством штатов, стали легальными благодаря историческому решению Верховного Суда 1973 г. по делу «Роу против Уэйда». Право женщин самостоятельно контролировать свое тело было признано, поэтому борьба за его сохранение стала следующим шагом в женском освободительном движении, ибо сразу же евангелические консервативные группы развернули наступление за отмену решения Верховного Суда. Причем языковые средства сами стали силой, способной оказывать влияние на политическую мысль и предпочтения избирателей. Две стороны дебатов редко пользуются несущим на себе негативную нагрузку термином «аборт» и определяют себя как привер-